

Раздел II. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Н. БЕКАСОВА
г. Оренбург, Россия
bekasova@mail.ru

УДК 811.161.1'42(091)
DOI10.26170/2306-7462_2021_02_08

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЦАРСКОГО ЧЕЛОБИТЧИКА ПАТРИАРХА НИКОНА: МЕЖДУ ВОЗГОРЖЕНИЕМ И СМИРЕНИЕМ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности презентации устремлений ссыльного патриарха Никона на материале его челобитных из Ферапонтова монастыря царю Алексею Михайловичу (1667-1676 гг.). Личностный аспект челобитных бывшего «собинного» друга царя достаточно отчётливо показывает Никона в его бытийной ипостаси – прежде всего как человека во что бы то ни стало желающего вернуть прежние отношения с Алексеем Михайловичем и найти в его лице «спомогающего ми», что обуславливает структурные характеристики текста – от обращений к религиозным «аргументам» своей правоты до мелочного и скрупулёзного, свойственного различного типа деловым документам того времени перечня претензий по поводу своего содержания. Челобитные «смирненного богомольца» позволяют наблюдать смену его дискурсивных практик, которые направлены сначала на утверждение собственной правоты и значимости, затем признание собственных ошибок, а в дальнейшем утверждение вины царя и необходимости её искупления перед сосланным, но по-прежнему считающим себя патриархом Никоном.

Ключевые слова: деловые документы; челобитные; дискурсивные практики; патриархи; протопопы; русские цари; русский язык; история русского языка.

Bekasova Elena N.
Orenburg, Russia

DISCURSIVE PRACTICES OF THE ROYAL PETITIONER OF PATRIARCH NIKON: BETWEEN BURNING AND HUMILITY

Abstract. The article considers the features of the presentation of the aspirations of the exiled patriarch Nikon on the material of his petitions from the Ferapontov Monastery to Tsar Alexei Mikhailovich (1667-1676). The personal aspect of the petitions of the former "dog" friend of the tsar clearly shows Nikon in his former hypostasis – first of all, as a person at all costs who wants to return his former relationship with Alexei Mikhailovich and find in his face a "helping one", which determines the structural characteristics of the text: from appeals to religious "arguments" of their rightness to petty and meticulous, The list of claims for its content characteristic of various types of business documents of that time. The petitions of the "humble pilgrim" allow us to observe the change of his discursive practices, which are aimed first at asserting his own rightness and significance, then acknowledging his own mistakes, and later asserting the guilt of the king and the need for her redemption before the exiled, but still considering himself Patriarch Nikon.

Keywords: business documents; petitions; discursive practices; patriarchs; Protopop Avvakum; Russian tsars; Russian language; history of the Russian language.

Челобитные не имели строгого формуляра и представляли различные документы, которые объединяло одно – обращение низшего по положению лица к высшему с просьбой, жалобой, доносом или заявлением, обязательно оформленными как униженное прошение, обрамленное трафаретными зачином и концовкой. Несмотря на то, что «все челобитные имели более или менее одинаковую структуру» [Бородина 2019: 30; Grominová 2016: 123] и каркасная жёсткость формул начального и конечно-го протоколов поддерживала их деловой статус, изложение сути дела и просительная часть характеризовались индивидуально-

стью, нередкоходящей до сокровенности, что позволяло автору проявлять значительную креативность [Бекасова 2018].

Преломление жизненной парадигмы челобитчика в его конкретном личном восприятии обуславливало разнообразие авторского исполнения – от неповторимо-страстных челобитных огненпального протопопа Аввакума до пародийного челобитья о нарушении «безпечального житья» монахов Калязинского монастыря. Известный историк Н. Н. Оглоблин справедливо утверждал, что «челобитные народа представляют единственный в своем роде материал и более ценный, чем в келейных произведениях так называемой «литературы» этого времени» [Оглоблин 1900: 87].

В связи с этим особый интерес представляют челобитные периода церковных реформ и раскола русской православной церкви, когда авторитетные иерархи русской церкви вместо спокойной уверенности и достоинства риторически украшенной церковной проповеди избирают лично заинтересованные диалоги «в ответ» духовному чаду, колеблющемуся в вере, идеологическому «супротивнику», еретику, «акаянному, злобесному» вероотступнику и, пользуясь ещё возможностью обращения к царю, пишут челобитные, где важность затрагиваемых тем, усиленная неразрешимой реформаторской «прёй», требовала не столько религиозно-философской эстетики, сколько обращения к живому разговору, по «грубости словес» граничащему с «лаем», прорывающему ограждения многочисленных ссылок на Святое писание [Бекасова, Миронова 2016; Bekasova 2020].

Показательны в этом плане челобитные Аввакума и Никона, рожденных в «нижегородских пределах», в своё время приближенных к царю для решения «исправления» богослужебных текстов, в итоге ставших непримиримыми противниками и по разным причинам осуждённых и сосланных царём Алексеем Михайловичем, который тем не менее до последних своих дней сохранял жизнь Аввакуму и заботился о ссыльном Никоне.

Аввакум и Никон – важные и во многом символические фигуры русской истории, определяющие религиозно-общественную жизнь второй половины XVII в., что не позволяет рассматривать их как простых жалобщиков. Они бьют челом

царю по важному для них, государственному, делу, которое они понимают по-разному, ср.: **Аввакум:** *мы твои богомольцы: некому нам возвещать, како строится во твоей державе. Никон:* *Тем же и аз, оного подражая, зову: “Помяни мя, господи царю, во царствии своем, да и тебе Господь Бог помянет во Царствии Своем Небесном”.*

Для Аввакума главным является общественная значимость его челобитья, где личные жалобы становятся фоном, иллюстрациями главной идеи – места церкви в выстраиваемом царями самодержавном государстве: *свое ли смертоносное житие возвещу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?* [Житие 1934: 279]. Никакие испытания не могут заставить его молчать о разорении истинной веры и «смущении» церкви в наступившей «еретической зиме» – до последнего своего вздоха он стучится в сердца вероотступников с призывом *«сие злое корение исторгнем тогда нам будет вся благая»* [Житие 1934: 286].

Челобитные «извергнутого из патриаршества» Никона не обладают общественно-религиозным пафосом посланий протопопа: они, с одной стороны, сугубо личные, а с другой – следуют типичному формуляру изветных, сыскных, расспросных, явочных и повинных челобитных. Впечатление о персональной «деловитости» усиливается наличием в части пагатио подробнейших описаний трудностей ссыльного жития, досконального перечисления полученных или недошедших съестных запасов и кормов; обстоятельных запросов на меха, скобяной товар, книги и пр.; детального изложения жалоб на притеснителей с представлением пространных диалогов, что практически полностью совпадает с практикой делового документооборота XVII в., свойственного в том числе и монастырской жизни.

Ср.: Никон: *Да он же, попъ, в те же поры говорил: «Был, де, я на походе на Кириловском подворье у Чернова попа Иоуля, а он, де, тут сидит под началом, скован. И стал, де, меня спрашивать: „Где, де, ты живешь ныне? И я, де, ему сказал: жил в Воскресенском монастыре, а ныне, де, думаю, опять в Феропонтовъ монастырь х патриарху итти. И он, Иоуль, почал говорить: „Меня, де, он не любит, а называет, де, меня колдуном*

и чернокнижником ... меня, де, и в Верхъ государь ималь, как болела государыня царевна Анна, и я, де, сказал, что ей не встать, да так, де, и сталоь (здесь и далее в скобках (457) указываются страницы по: [Севастьянова 2007]; в целях упрощения графики в тестах «ять» последовательно заменяется на е). – Извет подъячего А. Мотякина: *он мне сказал навещат де прихдило же де мне здес сидет недолго все де мои дни урочные прошли ине де последнеи день а будет поболши посижу ино де поменши поживет а толко де поменше посижу ино де поболше поживет кабы де гсдрь мене поставил перед собою так бы де ему было лутче и я Афонка ему молвил как ты старец так смееш говорит и он почал говорить я де земного цря боюсь де небесног слуга де я нбсног цря и не земного а се де не от премова црског корени...* [Московская письменность 1968: 233].

Никон: *Да вы же, великие государи, пожаловали прислали с ним же, Кузьмою Лопухиным, родильных овощей, две ковришки пряных пшеенишных, да две же ковришки сахарных, да тысячу двести яблокъ, да дватцать два арбуза белогороцких и тамбовских* (497) – Память сельского целовальника Покровского монастыря Агафона Михайлова: *старицам куплено огурцов на 7 де; старицам же куплено рыбы по гривну; свечей, муку и малины старицам купил, дано б де* [Акты монастыря 2019: 376] и под.

Безусловно, патриарх Никон владел всеми тонкостями дело-производства своего времени. Об этом достаточно убедительно свидетельствует единственное из 38 сохранившихся посланий из Ферапонтовского монастыря к царю, где Никон затрагивает причины, обстоятельства и следствия его «извержения» из патриаршества (подробнее см.: [Севастьянова 2007: 59-65]), ссылаясь на то, что на «написание злостраданий» его понудило «не свое, но апостольское слово» (497). Именно здесь Никон, единственный раз не подписавшись, по своему обычаю, патриархом, высказывает все накопившиеся к царю претензии: «*Что я тебе, великому царю государю, сотворил? И ныне се ли мне твое воздаяние вместо моя работы? Яко пса состаревшаяся отрину и заключи, и подобныя пищи лиши*» (441). Отвергая по пунктам предъявленные обвинения, «окованный нищетою и железы смиренный» Никон делает вывод: «*вин моих прямых не обралоь*

достойно извержению» и «все уже у них было до суда изготовлено» (439). Отсюда не столько нарушения в процедуре его свержения, сколько незаконность суда: «У тебя, великого царя государя, и подьячие лутче то разсудят. Егда судят, пишут обоих речи — исца и ответчика, и прочитают обоим: так ли истец и ответчик говорил, и потом всяк свои речи рукою закрепляет, и потомъ разсуждают речи их, и выписывают из законов ваших царских. А тут все не по закону заповеди было» (439). Сам Никон в большинстве своих посланий тщательно выписывает диалоги со своими обидчиками – по лекалам изветных, сыскных и распросных документов (450, 452, 455 и под.).

В этом же обращении к царю наблюдается и другая отчётливая метаязыковая рефлексия Никона – по поводу жанра своего послания, поскольку он не только отмечает свои «вины», но и убедительно перекладывает их на других, не исключая Алексея Михайловича, который сначала был *«благочестив вельми и милостив»*, а затем *«нача помалу гордети и выситя»* (443-444). Тому, кто еще недавно «пренебрег царское величество и писал себя Великим Государем» [Карташев 1992: 145], неприемлем жанр челобитья: *«Говорил я тебе, великому царю государю, что мучишь нас ради многих напрасно. И то и всяк бедный человек тебе, великому царю государю, пишут и в челобитных, которые сидят по твоему указу в тюрьмах и за приставы, и во иных нуждах: бьет челом тот имярек, мучу я живот свой тут и тут, а от ково, и то тебе, великому царю государю, мочно знать и самому, что се глаголемое. <...> А я, хотя такъ <и говорил> тебе, великому царю государю, правду, только у патриархов и правила такова не подведено, потому что такова правила нет»* (438).

Великое «возгоржение» обусловило не только сохранение Никоном в нерушимости своего патриаршего сана и отторжения самой возможности бить челом царю, но и осмысление своего «борения» и последовавшего заточения в ореоле новомученика, с радостью примеряющего новые ризы – от библейских святых, Лазаря убогаго, Иова многострадальнаго, апостола Павла, отцов церкви до распятого Христа – *«вся сия на мне збышась»* (438). Достаточно выразительна в этом плане ярко прописанная сцена

срывания с Никона клобука с жемчугами при его «извержении»: *«иной дали, ничтоже мне о жемчюге том попечение – поминую Владыки Христа тернов венец и радуюсь»* (440).

Именно отсюда идут призывы к царю: *«Зри!»*, и утверждение своей правоты – *«по «божественной заповеди, паче Содомы и Гомора»* – в троекратном отказе благословить и простить царя и его семью за то, что *«до Ферапонтова засудил и заточил»*, и откровенные угрозы – *«суд Его со тщиением грядет. <Аще> и великий царь еси, не рцы: кто мя преможет? Господь бо, мстя, отмстит»* (442).

Пафос по-прежнему ощущающего себя всевластным патриархом, но невинно сидящего «во тьме и сени смертной» утверждается многочисленными примерами терзаемых святых. Но в конце послание как-то неожиданно сбивается на деловито-неразборчивую ноту: *«Слышал аз в приговоре на изгнание мое у патриархе, да буду в Ферапонтове во вся дни живота моего <...> во всяком покои, и несть здесь тако, но zelo люто. И паче всякого убийцы и душегубца пристав zelo зелопрелют... что емлет з городов и из монастырей <для> нас, то саме себе емлет и в дом свой отсылает всякие запасы. А сааме безпрестани со псами за заецы. Келарь все совершен ворь. ... Конец, а терпению нашему святыи Богьдасть венец. Аминь. Агей Шепелев, что взял запасу с Москвы, то все себе побрал, я не имал ничово, ей, тако. О бумаге и о чернилах, Господа ради, никово не истяжи – своя с Москвы. А инова никакова дела не писано никуда, яко тако истина есть»* (442). Всё смешалось в заключении данного исторически значимого и высоко оцененного исследователями источника [Севастьянова 2007: 57] – келарь, пристав, зайцы, псы, бумага и чернила, идущий вразрез с идеологическим, политическим и личным конфликтом между главными властителями Руси.

Несмотря на то, что отзвуки этого идеологически выдержанного и концептуально значимого для оценки отношений Алексея Михайловича и Никона анализа будут ещё слышны – *«и возрасте меж нами великая смута, великая»* (462), – главным станет та тема челобитных, которую Никон презрел и высмеял в начале своего заточения в Ферапонтовом монастыре в июле

1667 г. («мучу я живот свой тут»). Теперь все усилия определяющего себя в каждом послании «милостью Божиею патриарха» направлены на изложение злодейств приставов, их распутной жизни, неповиновений великому государю, своей голодной и тяжёлой жизни.

Лютость жития усиливается, и Никон понимает её причину – *«твоя, государева, милость удалилась от мене, зане прогневах ярость твою»* (450, 455). Это требовало смены дискурсивной тактики, что обозначилось на третий год заточения Никона. В Послании 25 декабря 1971 г. Никон вновь вспоминает свое принятие патриаршества и отход в Воскресенский монастырь, где государя *«милость с презорством принимал, а все то делал, чтоб мне от твоей милости забвену быти»* (462), и на суде *«я поневоле против своих писаных слов говорил тебе, государю, прекословно и досадно, и в том прощения же прошу»* (463).

Но, прося прощение за то, что ранее осудил и с радостью отряс, Никон откровенно признаётся в своих первоначальных намерениях воздействовать на царя: *«И от спервах всяко хотел поискуситись, по писаному: прелюто бо есть и воистину бедно, иже кому гнев царьский понести»* (463). Но данная тактика не имела успеха, тем более, что у «смирненного» патриарха не было той несгибаемости и веры, какой был преисполнен Аввакум: «богатырский напор и увлечение, буйный темперамент и неумеренная властность» Никона [Карташев 1992: 141], хотя и были направлены на возвышение церкви над царством, но в итоге над церковью он мыслил исключительно себя. В этой вертикали власти Никон не ожидал видеть себя на другом конце: он был готов *«по писанному»* примерить мученический венец, но не готов был его принять. Чтобы окончательно не ввергнуть себя в пучину испытаний, Никону необходимо было выстраивать новые отношения с царём, тем более, что он уже имел опыт «развития любви царя» к себе [Карташев 1992: 136].

И если во втором своём послании из Ферапонтова монастыря Никон настойчиво повторяет, что его не «смущают» неправедность судилища над ним, *«нищета и железы», «лишение слуг, питания, и прочих»*, то через 6 лет желание *«скорее к надеемым благим пристроюсь»*, уступает стремлению выжить в «больниши-

ной смрадной келье, окна закованы, клопами и блохами умножена без числа» (440). Утрачена и испытанная Никоном эйфория нового мученика, когда веселился, трижды отрясая прах, *«прилипший нас от града вашего»* (441). Пыл боренья и обличений проходит под натиском реальных трудностей мирской жизни, экстаз святого мученика уступает желанию есть и пить, и в целом жить, *«подобно ми»* – как привык раньше.

Наступает, на первый взгляд, *«покаянный»* период, когда все послания наполнены *«муками живота»*: полностью отброшена христианская символика немощи и сострадания – *«зной и чады келейные»* становятся более значимы, нежели ранее с радостью принимаемые *«геена и огонь»*. И остаётся одно – уповать на милость царя, которой он когда-то был обласкан, поэтому Никон, пытаясь объяснить с царем, пишет о том, что только для него он теперь делает исключение: *«Но аз никоторова зла от тебя, государя, ни видель, разве милости, ни слышал, и все со благодарением терпел; все злое видель от приставов, яко же от первых, тако и ныне»* (463). Теперь Никон полностью отрекается от прошлых своих убеждений, которые мог себе позволить всевластный патриарх, не принимая, например, царских подарков: *«я у вас, государей, не наймить был»* (464). Но *«смиранный богомолец»* увидел в этих отказах причину гнева царя и готов каяться во всех своих *«винах»* перед царём и принять любую не то что милость, но и милостыню.

Важным в челобитных становится нагнетение ужасов ссылки с надеждой вызвать у покровителя жалость: *«И есмь ныне болен и нагъ, и бос, обжогся и обносился до нага, и креста на мне не те третьей год; стыдно и во другую келью выйти, идеже хлебы пеку и варю, понеже многие части зазорные непокровены. И со всякия нужды келейныя и недостатков оцынжел, руки больны, левая не подымается, очи чадом и дымом выело, и есть на них белма, из зубове кровь идет смердящая, и есть не терпят ни горячева, ни студенова, ни кислова, ноги пухнуть ... и милостыни попросить не у ково»* (463).

Все устремления Никона направлены теперь к одному – ожиданию, что его, не выдавшего *«от юности такие бедности»* (525), государь *«пожалует по-старому»* (484). Значительно

усиливается практика использования разнообразных формул, указывающих на «возможность физической гибели» челобитчика [Токарев, Леонова 2011: 52-53]. В связи с этим тщательно прописываются все «муки живота», связанные с хлебными и рыбными припасами, постройкой амбаров; комарами, мухами, клопами и блохами; подсчётами яблок, арбузов, хлеба и муки; размерами осетров «от глаза до завитошной кости»; досконально определяется, что не дошло из-за притеснений местных властей, а если и дошло, то в каком негодном виде – и всё с конкретным указанием каждого из обидчиков, количества штук, аршин, саженей, вершков, пучков, пудов, бочек, оловяничков, стягов и полотей и пр. Типичным в этом случае выступает тщательная опись присланных, как и положено, 20 возов сена для корма лошадей и коров, но так как царь *«меры возамъ не написалъ»*, то досадители бывшему патриарху нагрозили возы малою мерою: *«привозять вместо мерные копны по острамку не по большому, а мерою, государь, в длину острамокъ по сажени мерной, а в вышину и в ширину по полу сажени. ...И теми четырьмя копнами лошади, тремя копнами коровы в год не прокормить»* (540).

Практика стимулирования «милующего ми» усиливается на фоне сгущающейся тяжести жития «одряхлевшего» челобитчика – «убогого старца»: *«я, богомолецъ твой, занемоцевал, и огорода копать, и овощей садить, и строить не могъ, и наимовал три челоуька, а давал рубля по четыре на лето и по три, а платить тем наймитом нечемъ»* (558) и под. Создаётся ощущение, что Никон, описывая день за днём, час за часом своё страдничество, приобщает к этому Алексея Михайловича, чтобы он прочувствовал и глубину его физической немощи (*«ходил я, богомолецъ твой, на поварню есть сварить про себя, и назад и ис поварни идучи в келью, запятыя по их же подмосткамъ за тесницу и пал на лесницу, а с лесницы выше сажени летель, и розбился весь, ходить и делать ничево не могу ... помираю голодною смертию»* – 522), и одинаковую ответственность за реформы (*«Александре Борков ... правленные книги называет еретическими, а меня, богомольца твоего, называет антихристом. А я несть антихристь... А тебя, великого государя, называет онъ,*

Александр, изумившись и прельстившись» – 525) и др. Более того, он заставляет царя проживать с ним его жизнь денно и ночно: «И в нынешнем же, государь, во 183-м году июля в де[нь] вышел я Кирилова монастыря в строение в верхнюю келью ночью спать от многих мух, и клопов, и блох. И того вечера птица, неведомо откуда взявшись, яко врань черна, пролетела сквозь кельи во все двери и исчезла, неведомо куды. И той ночи демоны не дали мне уснуть, и одеялишко с меня дважды сволокли долой, и беды всякие неподобные многие творили» (558) и под.

Никон не скрывает своего желания подобными челобитными добиться милости от царя – жалобя, выпрашивая, вымаливая: *«и не престану, яко червь от древоточения, понеже утробою стесняем от Кирилова монастыря» (561).*

На широком фоне десятилетних страданий Аввакума, смертей его детей и соратников жалобы Никона на *«горкое да гнилое; такожде, и рыбу присылал лежалую и не колотую» (464) и просьбы «ослаби ми мало, да почию прежде, да же не отойду, и к тому не отойду, и к тому не буду» (466) и «не перешли далее ФерAPONTOVA и теснее» (465) воспринимаются как чисто личное прошение человека, пытающегося воспользоваться своими прежними связями с великим государем уже не только для улучшения своего быта, но и спасения жизни [Bekasova 2020: 298-299].*

Однако глубокая убежденность о несправедном «извержении», истинности своего священного сана и несправедливом отлучении от царской милости, достойной его, Патриарха, прорывается сквозь бытийно-жалобный челобитный фон сознательного позиционирования себя как убогого и болящего, смиренного и одряхлевшего, вымаливающего милостыню. Отрекаясь от некогда взятой на себя роли «пристроиться к благим», не выдерживая заточение, принижающее его достоинство, памятуя о «подобной» его жизни, Никон, видимо, по старой привычке требует собольков на варешки, яблочек, икорки, сливочек... Но при этом его благодарность за удовлетворение просьб весьма своеобразна: погруженный в убогий быт ссыльного затворника, он в благодарность обязательно вплетает попреки и воспоминания о

некогда окружающей его достойной роскоши. Благодарность становится укоряющей, а подарки – недостойными ни великого государя, ни смиренного, но милостью Божию Патриарха. Показателен фрагмент вымаливания часишков: *«Да у меня же, богомольца твоего, часишков келейных неть, а монастырских не слышать»* (505). Стоит отметить, что для Никона уменьшительный суффикс – яркий показатель ничтожности, негодности, низкого качества и мелкого достоинства, будь то *людюшки, крестьяншики, поваришко* или *рыбешки, окунишки, сижки, икорка, малинка, вишенка* и пр. Но просьба о такой малости, как келейные часишки, тут же сопровождается подробнейшими – как в росписях, памяти или духовной – воспоминаниями Никона: *«Да в келье же, государь, моей остались часы: столовые большие серебряные, другие часы медные позолочены, башнею, третьи часы медные башенкою же, позолочены, поменьше тех, часы золотые столовые и зепные с камнемъ, четверы часы серебряные зепные, двои часы медные позолочены зепные же, двои же часы в хрустали, оправлены серебром. А было, государь, и большы того, только не припамячю, и каменья, и жемчюгу, и золотых, и платья осталось немало, а где оно нынеча – не знаю»*. В разных челобитных перечень утраченного пополняется, и каждый раз подчёркивается, например, ветхость имеющихся у «смиренного богомольца» церковных книг и роскошь рукописных фолиантов греческого, польского, немецкого, киевского и русского письма в белых кожах, атласе, «в лицах», а массу других – «не припамячю» (505).

Практика укорителя идёт рядом с жалобами и прошениями, отравляя благодарность и усиливая ущербность милости царя и его семьи, например: **«Да вы же, государи, прислали ко мне ковришку сахарную да ковришку белую, да хлебець черной для ради рождения вашей государской дщери <...> А я было ождал к себе вашише государские милости и овощей, винограду в патоке, и яблочекъ, и слив, и вишенокъ, только вам Господь Богъ о том не известил ... пришлите, Господа ради, убогому старцу»** (531). Аналогична уловка Никона с собольими мехами, которые он получил от новорождённого Петра Алексеевича – благодарность сопровождается выговором и за преды-

дущие «подарки»: *«А мех государя цареви́ча и великого князя Петра Алексеевича в нашу меру: из него платна не будете – длины надобе два вершка в прибавку, а в подоле мех ево, государева, жалованья с четвертью три аршина, а нам шьетца платно в полпята аршина, а пооскуду с четвертью в четыре аршина, а здесь на дополнку прикупить к нему негде, и кровли, подобные ему, добыть негде же. ... А прежнее твое ... жалованье соболей мех и государыни царицы ... жалованье лисей черевей мех лежать не деланы за темь, что в нашу меру полных платен не будет, а здесь под ту статью прикупить негде. Сотворите, Господа ради, милость, велите то свое жалованье исполнить»* (476). Благодарность творится, как сам Никон определяет, «с великими брюзнами» (497).

Жалобы на невыносимую жизнь перемежаются с претензиями и все чаще с прямыми указаниями *вели, учини*, которые практически венчают челобитные, иногда без привычного для такого рода документов – *милости прошу, милостив будь*. С «изнеможествованием» Никон всё глубже погружается в описание своих жизненных неурядиц, тем более, что челобитные уже не могут писаться им лично и тот настрой личностно-интимных притязаний из-за постороннего писца постепенно утрачивается, как и теряются клишированные концовки челобитных с указанием милости и благодарности: видимо, нет сил продиктовать даже долженствующиися стандартные формулы.

Горжение Никона, резко контрастирующее с вынужденно избранной практикой убогого просителя, подчеркивается его основной и главной линией ссыльной жизни – вернуть расположение Алексея Михайловича укорением, стыдом и жалостью, во что бы то ни стало найти в его лице «спомогающего», что обусловливает структурные характеристики текста – от обращений к религиозным «аргументам» своей правоты до мелочного и скрупулёзного, свойственного исключительно росписям, памятям и судным спискам перечня граничащих с повелениями требований по своему содержанию. При этом им предана забвению вся его реальная деятельность в качестве патриарха, имевшего практически неограниченные возможности церковного и даже светского владыки, почти реализовавшего свою мечту – «свя-

щенство выше царства». Сознательность ориентации на убогого, покорного, покаявшегося и благодарного подтверждается тем фактом, что, узнав от царя Федора о высказанной в завещании просьбе Алексея Михайловича простить его, «Никон прослезился, но прощения на письме не дал» [Карташев 1992: 219]. Мирское оказалось выше священства.

Мирская сущность некогда всевластного владыки особенно контрастирует с идеологически и теологически выдержанными челобитными протопопа Аввакума, для которого собственные нечеловеческие муки становятся отправной точкой донести до царя мысль о гибельности его реформ и необходимости отмены античеловечной и антиправославной политики – «*ты попустил*». Для некогда могущественного духовного владыки главным становится послабление его становящейся с годами невыносимой ссыльной жизни. Некогда отвергаемая – в запале борьбы и настроя на житие новомученика – челобитная для «милостию Божиею патриарха» становится удобной формой эксплуатации чувства вины царя.

Литература

Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI-XVII в. /сост. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М., 2019. (Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архива России XIII-XVII вв. Т. III).

Бекасова Е. Н., Миронова Е. А. Фрагмент русской языковой картины мира XVII века в условиях идеологического противостояния // Определение картины мира в русском языке, культуре и литературе: Zborník štúdií z conference Katedry rusistiky Filozofický fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatúry Historicko-filologickej fakulty Belgorodskej štatnej národnej výskumnej university. Brno: Tribun EU, 2016.

Бекасова Е. Н. Креативный челобитчик // Уральский филологический вестник. – Вып. 2: Материалы Международной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы нового научного направления» 27-28 апреля 2018 г. / гл. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2018. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 2 (27)).

Бородина Е. В. Челобитная как источник для изучения истории российского общества XVII-XVIII вв.: структура и эволюция формулы // Манускрипт. 2019. Том 12. Выпуск 12.

Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Academia, 1934.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2-х т. Т. 2. М., 1992.

Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд-е подг. Котков С.И., А. С. Орешников, И. С. Филиппова М., 1968.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.). Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1900. (Из «Чтений в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те»).

Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007.

Токарев Г. В., Леонова Ю. Ю. Лексико-фразеологические средства выражения просьбы в челобитных XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкозн. 2011. № 2 (14).

Bekasova Elena N. Genetically correlative reflexes of proto-slavic combinations in Avvakum and Nikon's Petitions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings. (DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.02.32).

Grominová A. Обзор русских литературных памятников XI-XVII веков. Brno: Tribun EU, 2016.

REFERENCES

Akty Pokrovskogo suzdal'skogo devich'yego monastyrya XVI-XVII v. /sost. A. V. Antonov, A. V. Mashtafarov. М., 2019. (Akty Rossiyskogo gosudarstva. Gosudarstvennyye i korporativnyye arkhiva Rossii XIII-XVII vv. Т. III).

Bekasova YE. N, Mironova YE. A. Fragment russkoy yazykovoy kartiny mira XVII veka v usloviyakh ideologicheskogo protivostoyaniya // Opredeleniye kartiny mira v russkom yazyke, kul'ture i literature: Zborník štúdií z conference Katedry rusistiky Filozofický fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatúry Historicko-filologickej fakulty Belgorodskej štátnej národnej výskumnej university. Brno: Tribun EU, 2016.

Bekasova YE. N. Kreativnyy chelobitchik // Ural'skiy filologicheskij vestnik / Ural. gos. ped. un-t. – Vyp. 2: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Lingvistika kreativa: tendentsii i perspektivy novogo nauchnogo napravleniya» 27-28 aprelya 2018 g. / gl. red. T.A. Gridina. Ye-

katerinburg, 2018. (Seriya «Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa». Vyp. 2 (27)).

Borodina YE. V. Chelobitnaya kak istochnik dlya izucheniya istorii rossiyskogo obshchestva XVII-XVIII vv.: struktura I evolyutsiya formulyara // Manuscript. 2019. Tom 12. Vypusk 12.

Zhitiye protopopa Avvakuma im samim napisannoye i drugiye yego sochineniya. M.: Academia, 1934.

Kartashev A. V. Ocherki po istorii russkoy tserkvi: v 2-kh t. T. 2. M., 1992.

Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII veka / izd-e podg. Kotkov S.I., A. S. Oreshnikov, I. S. Filippova M., 1968.

Ogloblin N. N. Obozreniye stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592-1768 gg.). CH. 3. Dokumenty po cnosheniyam mestnogo upravleniya s tsentral'nym / Sost. N.N. Ogloblin. M., 1900. (Iz «Chteniy v O-ve istorii i drevnostey ros. Pri Mosk. un-te»).

Sevast'yanova S. K. Epistolyarnoye naslediyе patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovaniye i teksty. M., 2007.

Tokarev G. V., Leonova YU. YU. Leksiko-frazeologicheskiye sredstva vyrazheniya pros'by v chelobitnykh XVII veka // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Yazykozn. 2011. № 2 (14).

Bekasova Elena N. Genetically correlative reflexes of proto-slavic combinations in Avvakum and Nikon's Petitions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings. (DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.02.32).

Grominová A. Obzor russkikh literaturnykh pamyatnikov XI-XVII vekov. Brno: Tribun EU, 2016.

©Бекасова Е.Н., 2021

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка. Оренбургский государственный педагогический институт им. В.П. Чкалова (Оренбург, Россия)

Адрес: 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19. E-mail: bekasova@mail.ru

Bekasova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department. Orenburg State Pedagogical Institute. V.P. Chkalova (Orenburg, Russia)